

Сергей Меньченя

Структура и социально-конфессиональный состав комитетов попечительства о народной трезвости в латышских уездах Витебской губернии в 1897–1914 годах

Ключевые слова: комитеты попечительства о народной трезвости, социальные группы, чиновники, духовенство, евреи, старoverы.

Комитеты попечительства о народной трезвости создавались в Российской империи в рамках введения «винной» монополии, начиная с 1894 года. Главной их целью был надзор за проведением реформы, организация культурно-просветительской деятельности, здорового досуга населения. Понятие «трезвость» понималось как пропаганда умеренного, «культурного» потребления спиртных напитков, а не полное воздержание от алкоголя (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.), что не совсем соответствовало как общепринятому смыслу, так и ожиданиям общественности. В 1897 году государственная «винная» монополия распространилась на западные губернии – Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Могилёвскую и Смоленскую, население которых, в отличие от Центральной России, не являлось однородным в этническом, конфессиональном и культурном планах. В связи с этим степень вовлеченности различных социальных и этнических групп в деятельность комитетов попечительства о народной трезвости значительно отличалась.

Структура и состав комитетов определялись уставом. Руководили уездными комитетами предводители дворянства. В число обязательных членов комитетов входили: депутат от духовного ведомства (по назначению местного епархиального начальства); начальники средних учебных заведений, учительских семинарий, институтов; инспектора народных училищ; уездный член и товарищ прокурора окружного суда; уездный исправник; полицмейстер; акцизный чиновник; уездный воинский начальник; помощник начальника губернского жандармского управления; участковые земские начальники; податные инспекторы; непрременный член по крестьянским делам присутствия; уездный или городской врач; почётные и участковые мировые судьи; председатель земской управы; 2 члена от уездного земского собрания и городской голова уездного города

(Соболевский 1898, 46). Несмотря на значительное количество обязательных членов, журналы заседаний комитетов показывают, что реальное участие в работе принимали 7–8 человек. В городах имелась возможность создания особых комитетов, при этом их состав определялся Министерством финансов в каждом отдельном случае, но в Витебской губернии данная практика не получила распространения.

Почётные члены комитета избирались из числа лиц, оказавших особые услуги комитету, что часто выражалось в оказании значительной финансовой поддержки, утверждались лично министром финансов и обладали правом голоса на уездном или губернском собрании. Члены-соревнователи избирались из лиц, изъявивших желание принять участие в работе, и утверждались губернскими комитетами. Они имели право принимать участие в работе уездных комитетов с правом совещательно-го голоса (Соболевский 1898, 47).

Не могли являться членами попечительств следующие категории граждан: несовершеннолетние (кроме имеющих классные и офицерские чины); низшие воинские чины на действительной службе; воспитанники учебных заведений; лица, занимающиеся торговлей крепкими спиртными напитками; лица, состоящие под следствием или судом по причастности к преступлению, влекущему наказание не ниже тюремного заключения; состоящие под опекой за расточительность и признанные банкротами; состоящие под надзором полиции; исключённые из духовного ведомства или из среды общественных и дворянских собраний.

Из числа обязательных, почётных и членов-соревнователей мужского пола избирались участковые попечители, в чьи обязанности входило исполнение поручений комитетов на местах, заведование учреждениями комитетов (народные дома, чайные, читальни и библиотеки), надзор за нелегальной продажей крепкого алкоголя с правом составления протоколов в случае обнаружения нарушений.

Для обозначения принадлежности к комитету и «поднятия авторитета» члены обеспечивались особыми знаками, а также дипломами и свидетельствами с выписками из устава попечительства. Почётные члены получали право ношения мундира Министерства финансов VI класса (Соболевский 1898, 49).

Многонациональный состав населения Двинского, Люцинского и Режицкого уездов – латыши, евреи, поляки, белорусы, русские, среди которых выделялись старообрядцы, – оказал влияние на активность и результативность работы комитетов. При определении национального

состава комитетов приходится пользоваться конфессиональными и лингвистическими показателями (имена), что не всегда даёт объективный результат. Несмотря на то, что устав попечительств не ограничивал участие этнических групп, на практике дело обстояло иначе.

Отчеты попечительства о народной трезвости сообщают, что еврейское население, которое под воздействием факторов религиозного и социального характера почти не потребляло водку, активного участия в работе комитетов не приняло. Объяснить это можно как недовольством результатом реформы, когда в результате ликвидации корчм более 100 000 евреев лишились заработка (*Винные промыслы*), так и непониманием тезиса о “культурном” потреблении водки.

Отношение новой системы к еврейскому населению выразил один из руководителей Люцинского уездного комитета попечительства о народной трезвости князь Николай Петрович Мещерский (1829–1901): «главное зло заключается не столько в злоупотреблении спиртными напитками со стороны населения, сколько от питейных заведений принятого типа с его евреем-сидельцем или смотрителем, цель которого заключается в спаивании посетителя до самозабвения» (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 2).

Не рассматривалось еврейское население и в качестве целевой аудитории попечительства о народной трезвости. Член Отдела казенной продажи питей Министерства финансов Шумахер после командировки по Витебской губернии в 1900 году увидел сложность работы в данной местности в том, что «в границе еврейской оседлости городское население преимущественно состоит из евреев, не злоупотребляющих в большинстве случаев крепкими напитками» (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 54. Л. 119об). Сообщая об отчете Шумахера, витебский губернатор в письме к уездным комитетам рекомендовал «развивать свою деятельность более в селениях, а не в городах и местечках, главный контингент населения которых составляют евреи» (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 54. Л. 122).

Похожая ситуация сложилась и в отношении старообрядцев, которые в силу своих взглядов не только не употребляли алкоголь, но и не посещали различные заведения и мероприятия. Так, в деревне Ломы Режицкого уезда старообрядцы игнорировали народную чайную, разместившуюся в помещении церковно–приходской школы, что привело к закрытию чайной уже в феврале 1898 года (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 14).

В 1898 году Режицкий уездный комитет обратился к губернатору с вопросом о принятии в члены-соревнователи иноверцев и раскольников, однако ответа не получил (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 16).

Что касается латышского населения, то местные попечительства о народной трезвости проводили свои мероприятия на русском языке, русскоязычными изданиями комплектовались чайные, библиотеки и читальни. Несмотря на многочисленные просьбы членов попечительств (причём как латышей, так и русских) разрешить проводить народные чтения на латышском языке и выписать несколько латышских периодических изданий, что привлекло бы внимание населения, работа комитетов продолжалась в том же русле (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. Л. 47). Руководство попечительств находилось в руках русских чиновников и помещиков. Так, Двинским попечительством в 1897–1903 годах руководил Двинский уездный предводитель дворянства, коллежский советник Леонид Иванович Писарев (1840–?), Люцинским в 1897–1902 годах – князь Николай Мещерский (*Памятные книжки* 2014). В 1902–1910 годах Люцинский комитет возглавлял Александр Симановский, однако на деле заседаниями руководил настоятель православного собора в Люцине Фёдор Иосифович Никонович (1853 или 1854–1911). В 1907 году Люцинский комитет ликвидировал все свои заведения и практически прекратил работу, а Фёдор Никонович был избран депутатом III Государственной Думы, где продолжил деятельность по борьбе с пьянством. Его подпись можно найти под заявлением депутатов о необходимости закрытия винных лавок в сельской местности (Мяньчэня 2015, 27).

О преобладании русских чиновников в руководстве попечительств свидетельствует и состав членов Двинского комитета, выявленный на основании журналов заседаний за 1898 год. Наиболее часто здесь встречаются фамилии председателя Леонида Писарева, исправника Николая Иванова, городского врача Александра Матвеевича Пальмова (по совместительству исполнял обязанности делопроизводителя), уездного врача Ивана Андриановича Добычина (1855–1902)¹, казначея Тимофея Корженевского и полицмейстера Карла Якоба Арвида Пфейффера (?–1915) (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. Л. 2).

А вот проследить степень участия в комитетах белорусского и польского населения по имеющимся документам не представляется возможным, так как здесь не срабатывают факторы лингвистики и вероиспо-

---

¹ Отец писателя Леонида Добычина (1894–1936?), автора романа «Город N».

ведения. Сложности возникают и с определением состава членов—соревнователей. В официальных отчётах присутствуют лишь статистические данные с указанием половой принадлежности и рода деятельности.

В 1897 году при учреждении попечительств планировалось сделать ставку на дворянство. Люцинский комитет сообщал, что «приглашения принять участие в работе комитетов получили землевладельцы, но откликнулись немногие» (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 7). Дворянство отнеслось к деятельности попечительств как к форме благотворительности и на первых порах помогало попечительствам в финансовом плане. В 1897 году графиня Мария Забелло пожертвовала Люцинскому комитету 100 рублей (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 27), генерал Аркадий Энгельгардт передал Режицкому комитету в пользование здание бывшей корчмы.

После дворянства приглашения принять участие в работе получили учителя и местные чиновники. Особая роль отводилась духовенству, которое, пользуясь своим авторитетом, должно было вести разъяснительную работу с населением (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.). Данные категории и составили основу попечительств.

Однако желания населения часто не совпадали с позицией властей. В 1897 году принять участие в работе Люцинского комитета изъявили желание 78 человек, список которых был направлен на утверждение губернатору. Значительную часть среди них составляли крестьяне — 46 человек, из них 21 предлагался на должность попечителей. Также в список входили 4 женщины: дворянка Леонида фон Розеншильд-Паулин, жена генерал-лейтенанта Елена фон Мевес, дворянка Матильда фон Рихтер, мещанка Мария Комарова; 6 католических священников. Примечательно, что православных священников в списке не оказалось, а учителей было всего два (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 24—25, 34—36).

В то же время Люцинский уездный исправник отправил губернатору «список лиц, которые могут быть привлечены к деятельности комитета». Он состоял из 58 человек, женщин среди них не было вовсе, крестьян всего двое (рассматривались как члены-соревнователи), католических священников — двое. При этом православных священников — 5, а учителей — 12 человек (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 29—32). Как видно, желание отдельных категорий граждан участвовать в работе попечительств сдерживалось властями. Редактировались списки и губернскими комитетами. В сентябре 1899 года оставались неутвержденными 22 кандидатуры членов Режицкого комитета, при этом 13 кандидатур были предложены ещё в 1898 году (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35. Л. 98—99об).

Отличительной чертой социального состава Двинского, Режицкого и Люцинского комитетов попечительства о народной трезвости являлось активное участие в их работе крестьян. Так, членами Люцинского комитета о народной трезвости в 1898 году был утвержден 51 крестьянин, из них 22 — на должность попечителей (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. Л. 49—51). Однако в 1901 году Министерство финансов издало распоряжение, согласно которому члены-соревнователи обязывались платить ежегодный взнос в размере 5 рублей либо подтверждать своё членство активной работой (организация мероприятий, управление заведениями попечительства). Данная норма привела к значительному сокращению состава попечительств. Из 159 членов-соревнователей Режицкого комитета согласились уплачивать взнос лишь 7 человек (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 53. Л. 14—19).

События русско-японской войны и революции 1905—1907 годов привели к сокращению финансирования попечительств и сокращению численности их членов, тем не менее, комитеты в латышских уездах были наиболее многочисленными в Витебской губернии. В 1905 году Двинский комитет насчитывал 65 членов-соревнователей и 50 попечителей, Люцинский — 47 и 15, а Витебский комитет — 38 и 30 соответственно (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 79. Л. 299—300).

Отчёт о деятельности попечительств за 1907 год позволяет выявить тенденции к дальнейшему снижению численного и изменению социального состава попечительств. В Двинском комитете число соревнователей сократилось до 50, в основном за счёт женщин — их было 22 в 1905 и 12 в 1907 году. Среди соревнователей преобладали священники (8 человек), учителя (6) и представители свободных профессий (5)². В составе попечителей преобладали землевладельцы, чиновники и офицеры, учителя. Похожая ситуация наблюдалась и в Люцинском комитете, а вот в Режицком соревнователей осталось лишь 12, при этом все они являлись учителями (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 85. Л. 232—233об).

В 1910 году Двинский комитет попечительства о народной трезвости потерял первенство в губернии по численному составу. Соревнователей осталось всего 16, а попечителей 8. Режицкий комитет насчитывал 9 соревнователей и 15 попечителей (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 94. Л. 29, 119об). Люцинский комитет, как отмечалось выше, с 1907 года фактически пре-

---

² Представителями свободных профессий в Российской империи считались врачи, архитекторы, инженеры и др.

кратил своё существование. Кратковременная активизация его деятельности наблюдалась в связи с празднованием 300-летия царствования Романовых (1913) (НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 96. Л. 3).

Начало Первой мировой войны ознаменовалось введением нового законодательства по ограничению продажи алкоголя, что делало задачи комитетов попечительства о народной трезвости неактуальными, а в условиях приближения фронта Двинский, Люцинский и Режицкий комитеты фактически прекратили свою деятельность, хотя номинально существовали до февраля 1917 года.

Таким образом, следует отметить, что значительная часть населения Двинского, Люцинского и Режицкого уездов Витебской губернии (евреи, старообрядцы) не включилась в работу комитетов попечительства о народной трезвости, так как не разделяла их целей (умеренное потребление алкоголя, а не воздержание) и, в свою очередь, не являлась целевой аудиторией комитетов. Мероприятия, проводимые комитетами, официально имели русский характер и не учитывали языковой и культурной ситуации в регионе. Частная инициатива отдельных граждан сдерживалась законодательно (ограничение участия женщин, годовой взнос для членов-соревнователей) и бюрократическими проволочками. В результате этого местные комитеты не достигли высоких результатов в своей деятельности и первоначальный интерес к ним со стороны населения пропал.

Список источников и литературы

НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2709 (Витебское губернское попечительство о народной трезвости). Оп. 1. Д. 2. (Протоколы журналов заседаний Витебского губернского попечительства о народной трезвости (1897–1898))

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 4. (Материалы о деятельности Люцинского уездного попечительства о народной трезвости (1897–1898)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 13. (Материалы о деятельности Двинского уездного попечительства о народной трезвости (1897–1898)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 35 (Материалы о деятельности Режицкого уездного комитета попечительства о народной трезвости (1899–1900)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 53. (Материалы о деятельности Режицкого уездного комитета попечительства о народной трезвости (1901)).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 54. (Переписка Витебского губернского комитета попечительства о народной трезвости с уездными комитетами и Глав-

ным Управлением неокладных сборов и казённой продажи питей о деятельности комитетов и избрании членов-соревнователей и непрременных членов).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 79. (О предоставлении отчётов уездных комитетов за 1905 год).

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 85. (Отчёт о деятельности Витебского губернского комитета за 1907 год)

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 94. (Отчёты уездных комитетов за 1910 год)

НИАБ. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 96. (Дело о возобновлении деятельности Люцинского уездного комитета попечительства о народной трезвости (1913))
Памятные книжки Витебской губернии (1845–1916) (2014). DVD–ROM. Минск

Соболевский А. В. (1898) *Основы трезвости*. Санкт–Петербург. 167 с.

Винные промыслы. *Еврейская энциклопедия Брокгауза–Ефрона* (1908–1913 гг.) <http://brockhaus-efron-jewish-encyclopedia.ru/beje/03-3/181.htm>. (28.03.2016)

Мяньчэня С.В. (2015) Дэпутаты ІІІ Дзяржаўнай Думы ад беларускіх губерній і абмеркаванне пытання аб мерах па барацьбе з п’янствам (1907–1912 гг.). В кн.: *Беларусь у ХІХ–ХХІ стагоддзях: этнакультурнае і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё: зборнік навуковых артыкулаў*. Адк. рэд.: В. А. Міхедзька. Гомель. С. 23–30.

Sergejs Meņčena

Vitebskas guberņas latviešu apriņķu tautas atturības aizbildniecības komiteju struktūra un sociāli konfesionālais sastāvs 1897.–1914. gadā

Atslēgas vārdi: tautas atturības aizbildniecības komitejas, sociālās grupas, ierēdņi, garīdzniecība, ebreji, vecticībnieki

Kopsavilkums

Tautas atturības aizbildniecības komitejas Krievijas impērijā tika izveidotas pēc “vīna” (degvīna) monopola ieviešanas 1894. gadā. Galvenais mērķis bija uzraudzīt reformas gaitu, kultūrizglītības darbību, iedzīvotāju brīvā laika organizāciju. Jēdziens “atturība” (*трезвость*) tika saprasts nevis kā pilnīga atteikšanās no alkohola, bet gan kā mērenas, “kulturālas” spirtoto dzērienu lietošanas propaganda.

1897. gadā valsts “vīna” monopols tika izplatīts arī uz 7 rietumu guberņām – Viļņas, Vitebskas, Grodņas, Kauņas, Minskas, Mogiļevas un Smoļenskas, kuru iedzīvotāju sastāvs atšķirībā no centrālās Krievijas nebija vienots nedz etniskā, nedz konfesionālā un kulturālā aspektā. Ievērojami atšķirās dažādu sociālo un etnisko grupu iesaiste tautas atturības aizbildniecības komiteju darbībā. Komiteju pamatsastāvu veidoja ierēdņi, garīdzniecība un skolotāji. Latviešu aprīņķos to sastāvs atšķirās ar lielu zemnieku skaitu. Daļa Vitebskas guberņas Daugavpils, Ludzas un Rēzeknes iedzīvotāju (ebreji, vecticībnieki) neiesaistījās tautas atturības aizbildniecības komiteju darbībā, jo neatbalstīja to mērķus (mērena alkohola lietošana pilnīgas atturības vietā) un nebija komiteju mērķauditorija.

Pasākumiem, ko rīkoja komitejas, piemita krieviskas iezīmes un to realizācijā netika ņemta vērā valodas un kultūras situācija reģionā. Atsevišķu pilsoņu iniciatīva tika likumiski un birokrātiski vilcināta (sieviešu līdzdarbības ierobežošana, biedru (*члены-соперникователи*) gada iemaksu noteikšana). Rezultātā vietējās atturības aizbildniecības komitejas savā darbībā nespēja sasniegt ievērojamus rezultātus, un iedzīvotāju interese par tām zuda.

Sergey Menchenya

**The Structure and Socio–Religious Composition
of the Committees of People’s Sobriety in the Latvian Districts
of the Vitebsk Province in 1897–1914**

Key words: committees of people’s sobriety, social groups, officials, clergy, Jews, Old Believers

Summary

Committees of people’s sobriety were created in the Russian Empire as part of the reform of “wine” monopoly since 1894. Their main purpose was monitoring the reforms, organizing cultural and educational activities, healthy leisure of the population. The concept of “sobriety” was understood as promoting a moderate, “cultural” consumption of alcoholic beverages, rather than complete abstinence from alcohol, and that was quite different from both the conventional sense and the public expectations. In 1897, the state “wine” monopoly spread to the western provinces – Vilna, Vitebsk, Grodno, Kovno, Minsk, Mogilev, and Smolensk, which, unlike the population of Central Russia, is not homogeneous in ethnic, religious denomination, and cultural terms. In this regard, the degree of the involvement of various social and ethnic groups in the work of the committees of people’s sobriety was different.

The basis of the committee entails officials, clergy, and teachers. A distinctive feature of Latvian districts was a significant number of peasants in their composition.

Significant part of the population of the Dvinsk, Lyutsin, and Rechitsa districts of the Vitebsk province were not included in the work of the committees of national sobriety, because they did not share their goals (moderate alcohol consumption and not abstinence) and, in turn, was not the target audience of committees (Jews, Old Believers). Activities of the committees were Russian oriented and did not take into account the linguistic and cultural situation in the region. Private initiative was constrained by law (restriction of women's participation, the annual fee for members) and bureaucratic delays. As a result, local committees have not achieved good results in their work, and the people's interest in committee membership vanished.